

Му Цинфэн выпрямился, потянулся и поднял чайную чашку. Сняв крышку, он аккуратно удалил плавающие на поверхности чаинки. Густой чай был горьким на вкус.

— Ваше Высочество, — произнес Чжоу Пин. — Только что из Палаты Дали пришло сообщение: Му Люнянь был похищен.

— Хм? — Му Цинфэн поставил чашку на стол. — А что с князем Юй?

— Остальные не пострадали и уже были отправлены дальше. Скорее всего, они уже почти добрались до станции Сяньян.

Несколько дней назад командующий Лагерем Императорской гвардии отправил отряд солдат для сопровождения семьи князя Юй, опасаясь, что могут появиться сообщники, которые попытаются их освободить. Однако никто не ожидал, что эти злодеи окажутся настолько смелыми, что нападут сразу после выезда из Цзинлина, и похитят не самого князя Юй, а Му Люняня — двоюродного брата Му Цинфэна, старшего всего на два дня, который всю жизнь провел в уединении и редко выходил из дома.

— Состояние здоровья Му Люняня оставляет желать лучшего. Император изначально хотел оставить его в столице под домашним арестом для лечения, но дядя императора, Ван Сыдао, настоял на том, что закон не должен быть снисходителен. Кроме того, его поддержали подхалимы, и император не смог оставить Му Люняня, несмотря на свое желание.

Му Цинфэн откинулся на спинку кресла и вздохнул.

— Князь Юй, конечно, виновен в тяжких преступлениях, но Му Люнянь невиновен. Если он умрет в пути...

— Неужели мы ничего не будем с этим делать? — спросил Чжоу Пин.

Му Цинфэн усмехнулся.

— Это забота Ван Сыдао. Мы просто будем наблюдать за происходящим. Лагерь Императорской гвардии допустил серьезную ошибку, и его командующий должен быть заменен.

Он улыбнулся и закрыл книгу.

Кто мог похитить Му Люняня? Му Цинфэн задумался. Его двоюродный брат был слаб здоровьем, редко выходил из дома и мог упасть от малейшего ветерка. Кому нужен этот больной? Вдруг в голове промелькнула мысль.

— Чжоу Пин, пусть Лэн Дун выяснит, кто поддерживал связь с Му Люнянем или часто посещал его дом.

Чжоу Пин уже собрался уходить, но остановился.

— Ваше Высочество, вы просили меня узнать о траве Утоу. Я выяснил, что она очень похожа на траву Хэсинь. Даже врачи с трудом их различают. Хэсинь — это распространенное лекарство для регулирования менструального цикла и восполнения крови, а Утоу — смертельный яд, который убивает мгновенно. Однако Утоу растет в горных ущельях и встречается крайне редко.

Услышав это, Му Цинфэн нахмурился. Крайне редко? Значит, это не ради наживы, а явная

попытка подставить семью Сяо. Кто, кроме семьи Сяо, мог найти столько Утоу? Только семья Гу, которая начинала как аптека!

— А что с врачом, который лечил драгоценную супругу Ли?

— Врач Фан Сяоань был обвинен в смерти драгоценной супруги и брошен в тюрьму. Позже, по милости покойного императора, его изгнали из Императорской больницы и запретили практиковать. Потом я слышал, что он вернулся с семьей на родину.

Му Цинфэн махнул рукой, давая понять, что Чжоу Пин может удалиться.

В углу зала раздавался звук капель из медного кувшина в форме журавля. Каждая капля отчетливо звенела в пустом зале.

Воспоминания нахлынули, как прилив. Последний взгляд отца, полный сожаления, и горе от известия о смерти матери под звездным небом пустыни — все это волнами накатывало на него в эту ночь, разъедаая сердце, которое уже давно стало твердым, как камень.

И в этом тусклом свете медленно появилось лицо. Под тонкими бровями были самые чистые и ясные глаза во всем мире. Жаль, что в мгновение ока их поглотила тьма.

Сердце Му Цинфэна внезапно напряглось. Гу Шаобай, ты как хрустальный цветок, растущий в грязи!

Звук капель становился все чаще и громче. Му Цинфэн повернулся к окну. Легкий ветерок поднимал тонкие занавески. На ступеньках тихо капал весенний дождь, который продолжался до самого утра.

На следующий день, как и ожидалось, вышел императорский указ: командующий Лагерем Императорской гвардии потерял важного преступника и был отстранен от должности. Его заменили.

Одни радовались, другие горевали.

Новым командующим стал Ван Сымин, старый подчиненный Му Цинфэна, служивший на восточной границе. А предыдущий командующий был близким соратником Ван Сыдао.

Сейчас Ван Сыдао сидел в своем доме и бил кулаком по столу.

— Успокойтесь, господин, — медленно произнес мужчина в сером, стоявший рядом.

— Яньчэнь, как император мог издать такой указ? — Ван Сыдао тяжело опустился на стул.

Серый мужчина был наставником в доме Ван Сыдао, по сути, его советником. Его звали Дуань Яньчэнь.

Он встал, прошелся пару шагов и тихо сказал:

— Господин, командующим Лагеря Императорской гвардии стал человек князя И. Это означает, что император начал сомневаться в вас.

Ван Сыдао широко раскрыл глаза.

— Не может быть! Я ведь брат вдовствующей императрицы, его родной дядя!

На лице Дуань Яньчэня, несмотря на его сорок с лишним лет, появились морщины. Он вздохнул:

— В делах императорской семьи нет места чувствам. Кто ближе к императору — вы или князь Юй, его родной дядя? — Он помолчал и добавил. — Наш император еще молод, но у него острый ум.

В тишине, наступившей после слов Дуань Яньчэня, прозвучало:

— Господин, будьте осторожны.

Благодаря бесплатным лекарствам Цзи Цзяньчэня, здоровье Му Люняня с каждым днем улучшалось. Кроме того, Гу Шаобай трижды в день готовил ему суп из женьшеня, и теперь Му Люнянь мог сидеть и передвигаться почти как обычный человек.

Гу Шаобай зачерпнул суп из женьшеня, подул на него, чтобы остудить, и покормил Му Люняня.

Му Люнянь с улыбкой пил суп.

Цзи Цзяньчэнь, наблюдая за этим, не выдержал и бросил взгляд на своего молчаливого ученика:

— Сяо Фан, ты что, мертвый?

— А? — Фан Цинчи не понял.

Цзи Цзяньчэнь подошел, поднял Гу Шаобая и сунул чашку с супом в руки Фан Цинчи:

— Третий молодой господин Гу приютил тебя, кормит и поит. Почему ты такой бестолковый и не помогаешь?

Фан Цинчи посмотрел на Цзи Цзяньчэня, не совсем понимая его намек, но все же подошел и сел на край кровати, чтобы докормить Му Люняня оставшимся супом.

Цзи Цзяньчэнь схватил Гу Шаобая за воротник и вытащил его во двор. Он поставил его на землю, скрестив руки на груди, и, прислонившись к дереву, холодно смотрел на него.

Гу Шаобай сердито поправил одежду:

— Что ты хочешь?

Цзи Цзяньчэнь холодно произнес:

— Я ведь, можно сказать, твой кредитор, да? Скажи, сколько дней прошло, а ты хоть раз взглянул на меня?

Гу Шаобай хотел спросить, зачем ему смотреть на него, если он здоров и цел? Но, вспомнив, что все еще должен ему 10 000 лян серебра, он сдержал гнев и с фальшивой улыбкой спросил:

— Брат Цзи, что ты хочешь? Говори прямо.

Цзи Цзяньчэнь подумал:

— Во-первых, перестань называть меня «брат Цзи». Это раздражает. Зови меня «братец Цзяньчэнь»...

Гу Шаобай почувствовал, как что-то подступило к горлу. Он сглотнул:

— Может, лучше «старший брат Цзи»? Это «братец» как-то... неловко.

Тошнит.

— Нет, — категорично ответил Цзи Цзяньчэнь.

Гу Шаобай нахмурился:

— Давай компромисс: просто Цзяньчэнь. В конце концов... — Он отвернулся, глядя на большую иву за двором. — Не могу называть тебя так.

Цзи Цзяньчэнь серьезно задумался:

— Если будешь называть меня «братец Цзяньчэнь», я могу сократить твой долг вдвое.

Глаза Гу Шаобая загорелись. Вдвое — это 5 000 лян. Но слово «братец» было таким трудным для произношения! Обычно он называл старших братьев «старший брат», и это звучало нормально. Но «братец Цзяньчэнь» звучало как обращение между влюбленными!

Гу Шаобай поколебался, потом пробормотал:

— Если бы ты полностью простил долг, это было бы другое дело...

— Тогда я прощаю весь долг.

Глаза Гу Шаобая вспыхнули от радости, и он услышал, как его голос, лишенный всякой гордости, произнес:

— Братец Цзяньчэнь.

«Деньги — это грязь, а добродетель — дороже золота». Господи, я бы предпочел быть засыпанным грязью, чем иметь тысячу лян золота, которые нельзя ни увидеть, ни потрогать.

«Цзи Цзяньчэнь, я буду называть тебя братец, но ты ведь не установил срок. Когда мне надоест, эта сделка закончится!»

Цзи Цзяньчэнь потер ухо. Почему улыбка Гу Шаобая выглядела такой коварной? Неужели он сам попал в ловушку?

Ворота открылись, и вошел Миньюэ:

— Молодой господин, Чжоу Фэн снова прислал приглашение. Это уже третий раз. Отказывать снова будет неудобно.

Уже больше месяца он был занят лечением Му Люняня и трижды отказывал Чжоу Фэну в приглашении на прогулку. Сейчас уже конец апреля, и пора бы уже начинать лето.